

КХ

ЗНАМЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

10

1 9 5 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Поиски и находки

(Новые материалы о Чехове)

Более полутора лет существует журнал «Дон». На страницах этого нового журнала наряду с критикой и библиографией прочное место заняли такие отделы, как «Литературные воспоминания», «Из прошлого», «Публикации», где печатаются разнообразные историко-литературные материалы.

Особое место занимают в журнале материалы, обогащающие наше представление о Чехове. В №№ 1—3 журнала за 1957 год появились воспоминания сестры писателя Марии Павловны — «Из далекого прошлого» (в литературной записи Н. А. Сысоева). Педагог и одаренная художница, Мария Павловна всю жизнь посвятила брату, была ему преданнейшим другом и помощником. Как никто другой, она знала факты жизни и творчества Чехова. Поэтому воспоминания Марии Павловны на страницах журнала «Дон» читаются с большим интересом. Они живо рисуют жизнь семьи Чеховых, пребывание ее в Москве, Бабкине, Воскресенске, Богимове, рассказывают о встречах Чехова с Григоровичем, Короленко и Чайковским. Подробно говорит Мария Павловна о дружбе Левитана с Чеховым и о своих отношениях с художником.

Мария Павловна приводит два письма, ранее не публиковавшихся. Одно из них написано старшим братом писателя, Александром Павловичем, и содержит живой, веселый рассказ о его встрече и разговоре с Григоровичем. Известно, как дорожил Антон Павлович вниманием Григоровича, какое значение придавал критическим замечаниям маститого писателя, заметившего и оценившего талант молодого Чехова.

В своем письме от 8 июля 1888 года

Александр Павлович Чехов сообщает Марии Павловне: «Вчера из Ниццы приехал Д. В. Григорович, расцеловался со мной и, — шутливо добавляет старший брат Чехова, — завопил о том, что у нас в России нет критики и что такого «гейнима», как Антон, недостаточно оценили». Григорович, продолжает Александр Павлович, «купил «Рассказы» Антона, несмотря на мое предложение прислать ему экземпляр куда он прикажет... И за границей и в России он возит с собой сочинения Антона, читает их, делает на полях пометки карандашом и, вероятно, надоедает соседям по вагону... Такого пылкого энтузиаста и распространителя антоновой славы я еще не встречал». Он приводит слова, сказанные ему Григоровичем для передачи Чехову: «...Скажите вы брату, что такую фразу, как сравнение зари с подергивающимися леплом угольями, был бы счастлив написать Тургенев, если бы был жив. Много, много у него прекрасных мест. Я их все отмечаю. У — талант, у — силища!..» Высочайшую оценку рассказам Чехова дал через несколько дней Григорович и в письме к самому Антону Павловичу, поставив молодого писателя по мастерству описаний в один ряд с Тургеневым и Толстым.

В своих воспоминаниях Мария Павловна приводит также письмо Левитана к ней, написанное в 1897 году. Письма Чехова к Левитану были сожжены после смерти художника вместе со всеми другими письмами, как он просил в своем завещании. Но по сохранившимся письмам Левитана к Чехову сквозь шутливый тон, в котором велась переписка (Левитан подражал чеховской манере), видны глубокий интерес и внимание, которые связывали

их друг с другом. Левитан восхищается мастерством Чехова-пейзажиста. В письме, которое приводит Мария Павловна, Левитан говорит: «Какую дивную вещь написал Антон Павлович — «Мужики». Это потрясающая вещь. Он достиг в этой вещи поразительной художественной компактности. Я от нее в восторге».

К московскому периоду жизни Чехова относятся и материалы, опубликованные в № 7 журнала «Дон» за 1957 год.

Здесь напечатаны два письма молодого Чехова, обнаруженные Б. Чельшевым и Б. Хлестуновым. Они адресованы Чеховым Г. П. Кравцову. До публикации этих писем не было известно, что Чехов переписывался с Кравцовым, хотя знакомство и дружеские отношения с Кравцовыми установились у Чехова еще в то время, когда семья Чехова переехала в Москву, а шестнадцатилетний Антон остался в Таганроге распродавать имущество разорившейся семьи. Брат писателя Иван Павлович рассказывал впоследствии об этом тяжело для Чехова времени: «Три года прожил Антон в Таганроге один. Это были годы неотступной бедности. Надо было самому зарабатывать. Он стал репетитором». Чехов взялся подготовить к поступлению в юнкерское училище Петю Кравцова. Вместе со своим учеником он гостил на хуторе Рагозинная Балка, под Таганрогом, у отца Пети, Гаврилы Павловича Кравцова, где был радушно принят хозяевами хутора.

Приехав в Таганрог восемь лет спустя, уже известным писателем, Чехов снова гостил на хуторе у Кравцовых. Теперь из опубликованных писем мы знаем, что между Чеховым и Кравцовым велась переписка, что Чехов посылал Кравцовым журналы и всегда с большой теплотой вспоминал о пребывании у них.

Письмо, датированное Чеховым 29 января, написано в 1883 году. «Живется сносно, но здоровье уже увя и ах! — пишет Чехов. — Работаете, как холуй, ложитесь в пятом часу утра. Пишу в журналы по заказу, а нет ничего хуже, как стараться поспеть к сроку... Работаю в Питер и в Москву, известен стал, знаком со всеми... Живется почти весело».

Письмо это интересно и важно не только потому, что в нем есть подробности о жизни Чехова в Москве. Особого внимания заслуживает подпись, стоящая под этим чеховским письмом:

«А. Чехов...
Или: А. Чехонте
М. Ковров

Человек без селезенки.

Так я подписываюсь, работая в 6—7 изданиях...

Среди псевдонимов, которыми подписывался молодой Чехов, псевдоним «М. Ковров» до сих пор не был известен. Установление его дало Б. Чельшеву возможность обнаружить в журнале «Зритель» за 1883 год три принадлежащих Чехову театральных фельетона, подписанных «М. Ковров». Фельетоны эти рассказывают о спектаклях, шедших в театре М. В. Лендовского. В них Чехов высмеивает пошлый репертуар этого театра, состоявший в основном из низкосортных переводных пьес, далеких от требований жизни. Поэтому даже постановку слабой исторической пьесы Гедеонова Чехов отмечает как положительное явление: «Пусть малознающая публика хоть за четвертак поучиться истории». Фельетоны Чехова иллюстрировались рисунками его брата Николая Чехова. Эти фельетоны теперь вновь напечатаны на страницах журнала «Дон» (№ 7).

Свои первые произведения Чехов обычно не хранил и впоследствии не включал их ни в сборники, ни в издание своих сочинений, и многие из них остаются похороненными в старых газетах и журналах. Поэтому каждый новый документ, освещающий ранние годы творчества Чехова, особенно интересен.

В живых и ярких воспоминаниях И. Бунина о Шалапине, напечатанных в № 10 «Дона», рассказано, как произошло знакомство Шалапина с Чеховым. «Помню... — пишет Бунин, — как горячо хотел он познакомиться с Чеховым, сколько раз говорил мне об этом. Я, наконец, спросил:

— Да за чем же дело стало?

— За тем, — отвечает он, — что Чехов нигде не показывается, все нет случая представиться ему.

— Помилуй, какой для этого нужен случай! Возьми извозчика и поезжай.

— Но я вовсе не желаю показаться ему нахалом! А кроме того, я знаю, что я так оробею перед ним, что покажусь еще и совершенным дураком. Вот если бы ты свез меня как-нибудь к нему...

Я не замедлил сделать это и убедился, что все была правда: войдя к Чехову, он покраснел до ушей, стал что-то бормотать... А вышел от него в полном восторге:

— Ты не поверишь, как я счастлив, что наконец узнал его, и как очарован им! Вот это человек, вот это писатель!»

Журнал «Дон» сделал полезное дело, познакомив своих читателей с новыми чеховскими материалами.

Новые материалы о Чехове напечатали и некоторые московские журналы. В январском номере журнала «Молодая гвардия» за прошлый год Э. Полоцкой была опубликована переписка Чехова с начинающей писательницей Риммой Ващук. Чехов всегда внимательно относился к чужому литературному труду и безотказно читал все рукописи, которые ему присылали. Поэтому и на просьбу Ващук прочесть ее рассказы Чехов сейчас же ответил согласием. «Я рад служить Вам,— писал ей Чехов,— рукописи прочту с удовольствием и искренно выскажу свое мнение». Но в тот же день, 22 марта 1897 года, когда было написано это письмо, Чехов тяжело заболел, и 25 марта ему пришлось лечь в клинику.

Несмотря на серьезность своего положения, которое, как врач, Чехов прекрасно понимал, он прочел в клинике оба рассказа Ващук и уже 27 марта написал ей ответ. Молодая писательница, однако, обиделась прямой оценке ее рассказов и ответила Чехову довольно раздраженным письмом. Антон Павлович сейчас же снова написал ей, повторив, что первый рассказ «очень хорош, кроме начала». «Позволять Вам писать или не позволять — не мое дело,— писал ей Чехов,— я указал Вам на молодость, потому что в 30—40 лет уже поздно начинать; указал на необходимость выучиться правильно и литературно ставить знаки препинания, потому что в художественном произведении знаки зачастую играют роль нот и выучиться им по учебнику нельзя; нужны чутье и опыт».

Ващук ответила Чехову: «...Ваша доброта тронула и пристыдила меня больше всяких строгих слов. Мне теперь так больно и совестно своей глупости и неблагодарности, тем более совестно, что Вы, больной, через силу принуждены были отвечать на мое глупое письмо». Помимо общего интереса, эти письма Чехова ценны для нас тем, что в одном из них Антон Павлович высказал не только мнение о рассказах Ващук и дал ей ряд литературных советов, но и указал, чем должна заниматься литература.

Критикуя аллегорическую «Сказку» Ващук о феях и гномах, Чехов писал: «Бросьте это; надо быть искренней худож-

ницей, писать только то, что есть или что по Вашему мнению должно быть, надо писать картины».

Новые письма Чехова напечатаны и в «Кратких сообщениях Института славяноведения Академии наук СССР» № 22 за 1957 год. Здесь А. И. Игнатьевой опубликована переписка Чехова с его чешскими переводчиками. Эта публикация раскрывает историю знакомства чешских читателей с произведениями великого русского писателя. До сих пор считалось, что первой повестью его, переведенной на чешский язык, была «Дуэль», вышедшая в Праге в 1897 году. В действительности же, как указывает Игнатьева, уже в 1888 году Ф. Враны перевел рассказ Чехова «Счастье», а в следующем году А. Г. Стин перевел «Случай из практики».

В Пражском национальном архиве хранятся 11 писем Чехова к Б. Прусику (писавшему под псевдонимом «Шербинский»), одному из самых деятельных переводчиков и пропагандистов произведений Чехова и Горького, и одно письмо к переводчице Елизавете Билой. До недавнего времени письма Чехова к Прусику не были известны и имя Прусика упоминалось в собрании сочинений и писем Чехова только как имя адресата, письма к которому не найдены. В Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина хранятся 40 писем Прусика Чехову, показывающих обширность этой переписки, продолжавшейся около семи лет. Найденные чеховские и ответные письма Прусика напечатаны теперь в «Сообщениях».

«Будьте уверены,— писал Прустик Чехову,— что так, как Вас, мало кого из современных русских писателей у нас любят». Опубликованная переписка служит ярким подтверждением этих слов чешского писателя. В письмах Прусика не только указано, какие произведения Чехова были переведены, но есть и сообщения о выдающемся успехе чеховских пьес. Узнав о готовящейся постановке «Чайки» в Праге, Чехов (2 октября 1898 года) просил Прусика: «О представлении «Чайки» напишите мне 2—3 строчки, и, если найдется, пришлите мне Ваш перевод — это на память». В ответном письме от 26 декабря 1898 года Прустик сообщает Чехову: «Наконец мне удалось поставить Вашу «Чайку» на сцене театра бар. Шванды. Успех был громадный, необыкновенный. Все играли с чувством, превосходно... Ужасно рад огромно-

му успеху «Чайки». В следующих письмах Прустик сообщает «об огромном успехе» «Дяди Вани», поставленном не только в Праге, но и других городах Чехии: в Чаславе, Нимбурге и Карлове-Градец.

Ответные письма Чехова к Прусику содержат глубокую благодарность Чехова к переводчику и высокую оценку его труда. «Я позволю себе,— писал в одном из писем Чехов,—...сердечно поблагодарить Вас за Ваши превосходные переводы и поздравить Вас руку».

Из опубликованной теперь переписки мы узнаем также, что Чехов посоветовал Прусику перевести пьесу Горького «Мещане» и сам послал ему экземпляр пьесы. Вскоре «Мещане» были поставлены на сцене Национального театра в Праге. Переписка Чехова с Прустиком читается с живым интересом и служит ярким подтверждением обширности русско-чешских культурных связей. Непонятно, однако, почему она только сейчас становится известной советскому читателю, три года спустя после того, как некоторые из этих писем Чехова были напечатаны в чешском журнале «Sovětska věda» (1954, № 4).

Сведения о них содержатся и в сообщении Ш. Богатырева, помещенном в «Новом мире» (1957, № 1). В Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина хранятся еще около 60 писем других чешских литераторов, также адресованных Антону Павловичу. (Среди них письма К. Мудры, А. Врзала и других.)

Подробно останавливается Ш. Богатырев на статье Б. Прустика о Чехове. Эта статья была напечатана в 1897 году в журнале «Květy». В ней Прустик привел отрывок из неизданного ранее письма Чехова, который в переводе с чешского и напечатан теперь в «Новом мире». Приведя краткую полушутливую биографическую справку Чехова, Прустик назвал ее «автобиографией настоящего художника, скромного до крайности», и предсказывал, что в будущем «о жизни Чехова выйдут толстые книги».

О глубокой любви и восхищении Чеховым — писателем и человеком — свидетельствует и другой отрывок из этой статьи Прустика, приводимый Богатыревым. Упомянув, что Чехов, возможно, посетит Прагу, когда поедет за границу, Прустик пишет: «Тогда узнаем его не только мы, и так уже знающие его по сочинениям, но и он узнает нас, коих до сих пор не знал и увидит, что не только в России хорошо понимают его здоровый реализм, но что да-

леко от себя он нашел понимание и искренних почитателей».

В этом году к чеховской теме обратился и журнал «Москва». В № 5 журнала за 1958 год Н. Подорольский публикует подпisi Чехова под рисунками Николая Чехова «Московская езда», обнаруженные в одном из апрельских номеров журнала «Зритель» за 1882 год. К сожалению, вступление и послесловие Н. Подорольского, написанные в псевдозанимательной манере, не содержат даже самых необходимых сведений, обязательных для каждой публикации. Так, например, не указано, в каком же из апрельских номеров «Зрителя» найдены печатаемые подписи Чехова.

В № 6 журнала «Москва» за 1958 год напечатан отрывок из воспоминаний М. П. Чеховой «Моя подруга Лика», подготовленный к печати Н. А. Сысоевым. Лидия Стахеевна Мизинова известна не только как хорошая знакомая семьи Чеховых, долго и искренне любившая Антона Павловича, но и потому, что история отношений ее с писателем Потапенко отразилась в чеховской «Чайке». Мария Павловна приводит несколько писем к ней Мизиновой, ранее неизвестных. Письма эти рассказывают о тяжелом душевном состоянии Мизиновой, уехавшей в Париж вместе с Потапенко, и еще раз подтверждают ее любовь и неизменное уважение к Чехову.

Сведения о новых чеховских материалах поместили и некоторые газеты. Так, в «Учительской газете» (1957, № 90 от 30 июля) М. Теплинский напечатал сообщение о пяти письмах и телеграммах Чехова, найденных им в Государственном архиве Томска. Эти письма адресованы Чеховым начальнику острова Сахалина В. О. Кононовичу. До сих пор письма Чехова Кононовичу известны не были. Чехов, вернувшись из поездки на остров Сахалин, деятельно занялся собиранием книг для сахалинских библиотек, привлекая к этому своих друзей и знакомых. По найденным письмам виден размер этой работы, предпринятой Чеховым. В одном из писем Кононовичу Чехов пишет: «Так как кроме учебников, на покупку которых я был уполномочен, я посылаю много и других книг, то я почел себя вправе обратиться в комитет Добровольного флота с просьбой, чтобы книги от Одессы до Сахалина были доставлены бесплатно». В другом письме Чехов сообщает, что эта просьба была выполнена. Вновь найденные письма показывают, какой большой общест-

венной заслугой Чехова является создание сахалинских школьных библиотек.

В газете «Советская Россия» (1957, № 75 от 29 марта) напечатано сообщение о находке белой рукописи последнего рассказа Чехова — «Невеста». Рукописей Чехова дошло до нас очень мало, так как писатель их не хранил. До настоящего времени считалась утраченной и белая рукопись «Невесты». Черновая рукопись, значительно отличающаяся от печатного текста и показывающая настойчивую работу писателя, хранится в Рукописном отделе Ленинской библиотеки. Теперь к ней присоединилась и беловая рукопись, найденная случайно в Пензе через 53 года Б. П. Сацердотовым и подаренная им Библиотеке имени В. И. Ленина. Разбирая старые книги своего отца, приобретенные в 1918 году в Петрограде, Б. П. Сацердотов в одной из них обнаружил конверт со штампом «Журнала для всех». В этом журнале и была впервые в декабре 1903 года напечатана «Невеста». В конверте находилась чеховская рукопись на 26 листах почтовой бумаги. Найденная беловая рукопись поможет исследователям во всей полноте восстановить творческую историю последнего произведения Чехова.

В «Литературной газете» (1957, № 111 от 14 сентября) Л. Никулин напечатал воспоминания И. Бунина о Чехове. Бунин несколько раз возвращался к своим воспоминаниям о Чехове, каждый раз внося новые дополнения. Напечатанные теперь заметки написаны Буниным перед смертью и являются последней работой писателя. Обращаясь когда-то к Бунину с просьбой

написать воспоминания о Чехове, Горький писал ему: «...Я знаю, у Вас выйдет хорошо: Вы любили, Вы знали Антона Павловича». Воспоминания Бунина полностью оправдывают оценку, данную им заранее Горьким. В заметках, опубликованных в «Литературной газете», приводятся не только интересные факты и размышления Бунина о чеховских рассказах, но содержится оценка его общественных заслуг, отсутствовавшая в прежних воспоминаниях. «Такого, как Чехов, писателя еще никогда не было! — пишет Бунин. — Поездка на Сахалин, книга о нем, работа во время холеры, врачебная практика, постройка школ, устройство Таганрогской библиотеки, заботы о постановке памятника Петру в родном городе — и все это в течение семи лет при развивающейся смертельной болезни!»

Разнообразный и богатый новый чеховский материал, опубликованный в периодической печати, расширяет наше представление о жизни писателя.

География поисков и находок этого нового чеховского материала сама по себе поучительна и интересна: находки под Таганрогом и в Пензе, обследование архивов Томска и Праги, публикации из личных архивов, ранее хранившихся в Ялте и Париже, и, наконец, обследование забытой периодической печати. Все это еще раз свидетельствует и о глубочайшем интересе советских людей к отечественной литературе, к лучшим ее представителям — писателям-реалистам и о благородном труде советских литературоведов, ведущих свою работу в разных концах нашей страны.